

КРИЗИС 68—69 гг. И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕСПАСИАНА

Этой интересной теме посвящены две новые работы. Одна из них принадлежит известному французскому историку Омо¹, другая — итальянскому автору Манфре².

Эпиграфом к своей книге Омо избрал слова Наполеона «Веспасиан — один из величайших людей империи», и задачу свою он видел в том, чтобы, по возможности, прославить и возвеличить Веспасиана, человека, по словам автора, если и не обладавшего гениальностью и блеском Цезаря или Адриана, то наделенного зато не менее ценным качеством — здравым смыслом. По мнению Омо, уже самое происхождение Веспасиана, семья, место рождения, окружающая среда предопределили это основное его свойство. От отца и деда он унаследовал респектабельность, трудолюбие, неуклонность в возвышении по лестнице карьеры, поскольку дед был только центурионом, отец — всадником, старший брат — сенатором. От них же перешли к нему финансовые способности и здравый смысл. Последнее качество, вместе с преимуществами аристократических связей, передала ему и мать. Доказательство здравости ее суждений Омо видит в скептическом отношении к предзнаменованиям о будущем величии ее новорожденного сына. Не малую роль, по мнению автора, сыграло и происхождение будущего императора из племени сабинян — нравственных и трудолюбивых крестьян и хороших солдат.

Рос Веспасиан в такой период, когда, с одной стороны, империя стала вполне утвердившимся фактом, а с другой — обнаружилась вся слабость династии Юлиев-Клавдиев, всецело опиравшейся на армию и не установившей упорядоченного престолонаследия. Омо считает, что эти два фактора определили собой все события того периода и что Веспасиан всю жизнь наблюдал их и учитывал их отрицательную роль. Он страдал от унижения императорской идеи, которому подвергли ее безумства Нерона. Не смея говорить, он протестовал действием. Даже известный случай, когда Веспасиан заснул во время пения Нерона, был, по мнению Омо, таким молчаливым протестом (стр. 27). Подробно разбирая карьеру Веспасиана, Омо старается показать, что она дала ему большой административный и военный опыт, усиленный честностью и трудолюбием. Все эти качества он проявил на посту главнокомандующего в Иудейской войне, ход которой Омо подробно излагает.

Надение Нерона объясняется тем, что он слишком далеко отошел от политики Августа, которая состояла в умелом лавировании между армией — истинной опорой принципата — и сенатом — его парадной вывеской. Нерон дал перевес армии, и это привело его к гибели. Гальба, как ставленник сената, должен был бы вернуться к принципату в его первоначальной форме, но его преклонный возраст и личные недостатки возбудили недовольство в войске, которое его свергло. Вителлий, выдвинутый германской армией, употребил свою власть, чтобы потворствовать ее прихотям и своей страсти к обжорству. Армия Веспасиана провозгласила его императором, не желая подчиняться Вителлию. Веспасиан долго колебался, так как был лишен честолюбия и властолюбия, но, наконец, согласился стать императором, так как понимал, что только он может спасти государство. Кроме того, он желал обеспечить высокое положение сыновьям и верил в приметы, предвещавшие ему успех. Приметы эти Омо подробно перечисляет. Дальнейшая судьба Веспасиана определилась, по мнению автора, позицией, которую должна была занять дунайская армия. Недостаток этой армии он видит в неоднородности ее состава: тогда как паннонские легионы пополнялись уроженцами западных провинций, мезийские состояли, в основном, из азиатов, что мешало этой армии придерживаться единой и последовательной политической линии (стр. 80). Но так как на том этапе перевесило восточное влияние, она стала на сторону Веспасиана, что в конце концов обусловило его победу. Омо делает интересное замечание о связях Веспасиана и его агентов, в частности Антония Прима, с Цивилисом, восстание которого было уско-

¹ L. O m o, *Vespasian, l'empereur du bon sens*, P., 1949, 398 стр.

² G. M a n f r è, *La crisi politica dell'anno 68—69*, Bologna, 1948, 146 стр.

рено, чтобы нейтрализовать рейнскую армию Вителлия. Подчеркивается также высокое качество флавианской пропаганды в Италии и провинциях.

Омо пишет далее, что после победы Веспасиан оказался перед трудными задачами — кризис оставил тяжелые следы: распад империи, падение императорского авторитета, экономическую разруху. Восстание в Иудее, в Галлии, восстание Цивилиса, Клодия Мацера в Африке, Анникета в Понте угрожали целостности империи; всюду проснулся провинциальный сепаратизм; главная роль перешла к провинциальным армиям, которые были более тесно связаны с провинциями, сделавшимися основными поставщиками солдат. Кроме того, армии стали набираться из рядов «пролетариата», что обострило опасность социальных конфликтов, ярко проявившихся во время войн 68—69 гг., когда солдаты выступали против сената и высших классов (стр. 139). Омо характеризует это время, как период полного беспорядка и морального упадка императоры и их приближенные были развращены, сенат унижался перед всяким властью имущим, а народ был готов ежеминутно восстать, армия предавалась грабежу, забывая дисциплину, финансы были расстроены, экономика распатана. Все это иллюстрируется многочисленными цитатами из Тацита. Особенно ужасными признаками Омо, в согласии со своим источником, считает сожжение Капитолия и переход отдельных солдат и даже целых легионов на сторону Цивилиса. В этой тяжелой обстановке Веспасиан понял, что уравновесить власть армии может только сенат. Если не обуздать армию, неизбежным станет военный абсолютизм, к которому уже стал склоняться Нерон, пренебрегший декорумом власти сената (стр. 159).

Омо считает, что Веспасиан по своим моральным, умственным и даже физическим качествам наилучшим образом подходил для разрешения ставших перед ним трудных задач оздоровления государства и укрепления императорского авторитета. Это был истинный римлянин, патриот, трудолюбивый, умеренный, проникательный, твердый, терпимый, добрый (стр. 172). Его семья, или по крайней мере Тит и приближенные (за исключением Домициана), могли быть ему ценными помощниками. Его мероприятия полны здравого смысла, он понимал, что следует, отвергнув абсолютистские элементы, свойственные правлению последних Юлиев-Клавдиев, вернуться к принципату Августа. В таком смысле понимали лозунг *libertas* и он, и самые здравомыслящие из его современников. Успокоив солдат, Веспасиан вместе с тем дал понять сенату всю неуместность попыток играть в «копзицию булавочных уколов», и сенат быстро понял свое место. Очень удачно Веспасиан распорядился назначением Агриколы в Британию и Цереалиса в войско, направленное для борьбы с Цивилисом. Между прочим самое восстание германцев и галлов Омо представляет как некое печальное недоразумение, возникшее под влиянием речей честолюбивого Цивилиса, обращенных к разгоряченному празднеством всегда верным Риму батавам. Классик и Титор поддерживали восстание, поверив в слабость Рима и надеясь легко создать самостоятельное государство, но не сумели придумать каких-либо новых форм и организовали свою империю по образцу римской. Вскоре, однако, галлы поняли, что им надо выбирать между зависимостью от германцев или от Рима, и предпочли Рим, который давал им блага цивилизации. После этого восстание Цивилиса было подавлено, хотя и не без труда.

Омо показывает, что, несмотря на продолжение Веспасианом политики Августа, императорская власть при нем значительно усилилась, что видно и из *lex de imperio Vespasiani* и из закрепления за императором всего имущества, ранее считавшегося собственностью фамилии Юлиев-Клавдиев. Во избежание покушений на его власть Веспасиан назначил префектом претория Тита, а чтобы уничтожить сенатскую оппозицию, он очистил сенат от враждебных ему элементов и пополнил его за счет всадников и муниципальной знати, людей «без фантазии, но честных и трудолюбивых» (стр. 287). В общем ему удалось добиться сотрудничества с сенатом, хотя маленькая группа аристократов во главе с Гельвидием Приском осталась в оппозиции, желая не наследственной, а выборной монархии. В оппозиции находились и киники, враждебные всякой власти. Веспасиану не оставалось ничего иного, как выслать недовольных. Особенно важными считает Омо мероприятия Веспасиана по увеличению числа мелких землевладельцев и упорядочению управления императорскими

доменами. *Lex Manciana* он связывает именно с этой стороной его деятельности (стр. 299 и 306). Недовольны им были только на Востоке, где Рим, как и всюду, опирался на высшие классы, вызывая недовольство многочисленного пролетариата. Омо хвалит Веспасиана за тщательное соблюдение и поддержку социальной иерархии, за закон, по которому женщина, вышедшая замуж за раба, сама становилась рабыней. за то, что он перестал принимать в армию южноиталийских «пролетариев» и пополнял ее романизированными провинциалами из обеспеченных классов, что отдаляло армию от политики и социальной борьбы. Омо пишет, что «самая совершенная в мире римская армия II в. была созданием Веспасиана» (стр. 321). При нем ожили литература и искусство, отличительной чертой которых была реакция против ориентализма и филэллинизма и возврат к римскому патриотизму и латинскому классицизму.

В результате своего исследования Омо приходит к выводу, что Веспасиан выполнил колоссальное дело, восстановил государство и основал династию, хотя она оказалась непрочной, так как у Тита не было детей, а у Домициана был плохой характер, что заставило его пойти против сената и искать опоры в народе и армии, стремясь к абсолютной монархии. Но, несмотря на эту временную победу армии и абсолютистских тенденций, Веспасиан на два века отсрочил установление домината, спас принципат и подготовил «золотой век» Антонинов, которым реформированная им армия не мешала выполнять их дело. Если бы не «здравый смысл» Веспасиана, безумства Нерона погубили бы дело Августа уже в середине I века.

Из этого краткого изложения мы видим, что книга Омо, несмотря на эрудицию автора и на собранный им обширный материал, страдает очень большими недостатками, неизбежно вытекающими из буржуазной его ограниченности и общих реакционных установок. Характерно, что Омо приводит многочисленные и длинные выдержки из Тацита, ни разу не остановившись на разборе позиции и взглядов этого автора, и тем самым становится на точку зрения ортодоксальной сенатской историографии. Данные других источников, литературных и эпиграфических, приводятся им лишь очень бегло.

Омо, как мы видели, восхваляет все действия Веспасиана, не видя ни в нем, ни в его поступках никаких недостатков и, напротив, считая все его мероприятия результатом некоей обширной и мудрой программы, намеченной и продуманной Веспасианом еще чуть ли не в младенческом возрасте, под влиянием осознанных им недостатков императоров династии Юлиев-Клавдиев. Те черты, которые автору особенно симпатичны в деятельности его героя: укрепление зажиточных классов, удаление из армии «пролетариата», «обуздание низших» классов и рабов — показывают, почему Омо избрал Веспасиана образцом императора со «здравым смыслом». Все это достаточно ярко характеризует позицию самого автора. Между прочим, нельзя не отметить ту роль, которую он отводит наследственности в формировании характера Веспасиана и, следовательно, в его политике, так как политику он тесно связывает с характером как Веспасиана, так и Домициана.

Даже там, где Омо пытается найти объективные причины и закономерность событий, его концепция также не может считаться удовлетворительной. Как мы видели, он исходит из положения, что вся история ранней империи сводилась к борьбе между армией и сенатом и к колебаниям отдельных императоров между той и другой силой. Концепция эта, отнюдь не новая, восходит, по существу, к римской сенатской историографии, особенно к авторам, писавшим о событиях III в. Придерживающиеся этой точки зрения современные историки, в частности и Омо, не дают себе труда детально проанализировать, что представляли собою эти две «силы» на разных этапах развития империи. Если собрать отдельные высказывания Омо по этому вопросу, разбросанные по всей книге, то можно заключить, что армию он считает, с одной стороны, прибежищем всякого сброда, выпавшего из рядов италийского пролетариата, с другой, — как будто выразительницей интересов провинциалов, которые поступали на военную

армию шли не «пролетарии», а местные мелкие и средние земледельцы, то в ее среде неминуемо начался бы раскол. На деле же, если мы обратимся к надписям, правда, немногочисленным, характеризующим состав армии для этого времени, мы увидим, что основная масса легионеров происходила из числа уроженцев северной Италии, которую Омо сам считает отличающейся от остальных итальянских областей. Именно здесь дольше всего сохранилось мелкое землевладение, значит, солдаты, происходившие из этих областей, были в социальном смысле близки своим товарищам из Галлии и Испании. Вполне вероятно, что они отрицательно относились к крупному землевладению, которое именно в середине I в. начало укрепляться и в этом районе, но все это далеко еще не означает, что армия стала сборищем грабителей и убийц. Провинциальные элементы тогда не играли еще заметной роли в легионах. Если же Омо придерживается противоположного мнения, то непонятно, почему он не пытается связать движения в провинциях с настроениями легионов. Ведь в таком случае они, вероятнее всего, разделили бы «сепаратистские стремления» своих соплеменников, как это сделали вспомогательные части, состоявшие из германцев и галлов. Между тем переход легионов на сторону Цивилиса Омо объясняет только позорным падением дисциплины среди солдат-«пролетариев». Он видит одну из главных заслуг Веспасиана в том, что тот, изгнав из армии этих «пролетариев», создал превосходное войско, существовавшее весь II век. Но, во-первых, как известно, система набора была снова изменена при Адриане, а во-вторых, войско это вовсе не было уже так превосходно, если его оценивать с точки зрения Омо, так как дезертирство и переход на сторону противника оставались довольно распространенным явлением: римские солдаты нередко перебегали на сторону Децебала, а Адриан издал специальный указ, в котором предписывал тщательно расследовать все случаи, когда солдаты оказывались на вражеской территории, и выяснять, не было ли это результатом дезертирства.

С другой стороны, Омо представляет сенат как некое абстрактное воплощение общественного мнения, а со времени нововведений Веспасиана, — как представителя «всего здорового и крепкого, что было в империи», т. е. всадников и муниципальной знати. Но об экономической роли сенатских кругов при Нероне или при Веспасиане он ничего не говорит. Конфискации Нерона и разработку Веспасианом системы управления императорскими доменами он связывает лишь с «абсолютизмом» одного и «практическим здравым смыслом» другого. Никакой связи между этими фактами и борьбой между крупным и мелким землевладением, в которой императоры принимали участие не только как правители, но и как крупнейшие землевладельцы империи, Омо не устанавливает.

Из этой порочной концепции сената и армии как неких надклассовых, надсоциальных и вневременных сил и проистекают остальные ошибки Омо. Совершенно правильно указывая, что во время Веспасиана лозунг *libertas* означал уже не республиканскую свободу, а всего лишь требование выборного, не наследственного принципата, Омо не показывает, какой смысл имело это требование. Между тем оно сводилось не к избранию «лучшего» из возможных принципов, а лишь такого принципа, который был бы наиболее зависим от сенатских кругов и крупных землевладельцев, что стало особенно ясно во время правления Коммода и позднее при Северах. Омо считает, что выбор между сенатом и армией мог быть сделан каждым императором совершенно свободно, без учета реального соотношения сил. Так же свободно, по его мнению, «галльский народ» предпочел Рим союзу с Цивилисом. На деле это было решение галльской аристократии, которая предпочла не римскую цивилизацию, а, так же как во время Цезаря, римское государство, сила которого могла удержать в повиновении эксплуатируемые классы.

Автор второй рецензируемой работы, Манфре, пишет в предисловии к ней, что его цель найти единую причину событий 68—69 гг., в которых видят обычно лишь ряд случайных, не связанных между собою смут. Эту причину он видит в пробуждении духа свободы в провинциях, которые с помощью своих армий боролись против сената. Однако этот дух свободы означал не сепаратизм, а лишь борьбу против сената в рамках империи. Империя, пишет автор, была победой свободного поляса, переходом

от республиканской свободы сената к свободе провинций. Однако Рим и сенат все еще сохраняли монополию выбора императора. Против этой-то монополии и восстали провинции. Такие сепаратистские движения, как восстания Виндекса, Цивилиса, Флора и Сакровира, Класика и Тутора, не имели отношения к этой борьбе и вообще большой роли не играли, так как «варвары» еще не могли создать своего государства. Основными факторами были сенат, преторианцы и легионы. Первый выдвинул Гальбу, вторые — Отона, германские легионы — Вителлия. Но только Веспасиан разрешил проблему единства империи.

Нерон, пишет Манфре, вызвал недовольство Запада своим проориентализмом. Однако он считает неправильным видеть в этом причину восстания Виндекса. Верно замечание Манфре, что если в передаче Тацита обвинения Виндекса против Нерона совпадали с обвинениями, выдвинутыми участниками заговора Пизона, то это еще не значит, что интересы у них были общие. Галлы искали лишь предлога, чтобы начать восстание. Соответственная обработка версии восстания Виндекса была сделана сенатской историографией, восходившей к Гальбе. Положение это Манфре доказывает убедительным и подробным анализом источников. Он считает, что Гальба был готов идти на союз с галлами, так как он не рассчитывал на поддержку легионов. Он всецело ориентировался на сенат, желавший выборного, зависимого от него принцепса, и враждебный «низшим» классам. На стороне последних выступили легионеры. Они восстали не из жажды грабежа, а в поисках императора, который понял бы и сумел разрешить новые политические задачи. Гальба возбудил их ненависть, осуществляя в своей политике реакцию озлобленного долголетним унижением сената. Помнению Манфре, он делал шаг назад по сравнению не только с Нероном, но и с Августом (стр. 68). Против него восстали германские легионы, которых поддерживали треверы, лингоны и другие племена. Вителлия они выставили, чтобы иметь какое-нибудь имя. Их попытка была обречена на неудачу, так как она разрушала единство империи (стр. 82). Отон был выдвинут солдатами и низшими классами, но, придя к власти, стал искать компромиссных путей и пытался примириться с сенатом. Потерпев неудачу, он покончил самоубийством (стр. 92). Так же как Отон не сумел достичь классового единства, так и Вителлий не удалось сплочение всех провинций. Манфре дает любопытное толкование титула Вителлия «Германик». Он считает, что этот титул был символом антиримских настроений германских легионов. Они не пожелали дать своему ставленнику титулы Цезаря и Августа, чтобы подчеркнуть его разрыв с Римом и сенатом и прочную связь с рейнской армией (стр. 111). Однако из этого союза императора и германского войска были исключены германские вспомогательные когорты, набравшиеся из галльских и германских племен. Оскорбленные Вителлием и легионами, они охотно стали на сторону своих восставших соплеменников (стр. 114).

В противоположность Вителлию, Веспасиан принял все традиционные титулы. Его главной целью было восстановление единства империи. Он надеялся достичь его активной пропагандой, без кровопролития, но придунайская армия по собственной инициативе выступила против Вителлия. Победа Веспасиана была победой провинций и легионов над Римом и сенатом, принципата пропровинциального над принципатом просенатским (стр. 139). Но Веспасиан, как некогда Август, должен был примириться с побежденными. Отсюда августовские черты в его политике. Однако если власть Августа основывалась на *auctoritas* и компромиссе его с республикански настроенным сенатом носил политический характер, то теперь, когда сенат убедился в необходимости принципата, его компромисс с Веспасианом стал конституционным. Это отразилось в *lex de imperio Vespasiani*. Если власть Августа носила как бы экстраординарный характер, то власть Веспасиана закономерно санкционировалась. На базе этого компромисса воцарился мир (стр. 141). Существовавшая в сенате оппозиция во главе с Гельвидием Приском была крайне реакционна, направлена против провинций и изменяла основному римскому принципу — «милости к побежденным» (стр. 145).

Книга Манфре выгодно отличается от работы Омо критическим отношением к сенатской исторической традиции, в частности к Тациту, и, главное, попыткой найти какие-то более общие причины происходивших событий. Он совершенно справедливо

видит их в развитии провинций и в косности известного числа представителей римского правящего класса, которые никак не могли усвоить более гибких методов эксплуатации всех категорий угнетенного населения, от провинциалов до рабов. Однако он чрезмерно идеализирует роль Рима в провинциях, и то, что было лишь новыми методами эксплуатации, он принимает за освобождение. Презрение к беспомощности «варваров» заставляет его видеть в римских легионах представителей и защитников провинций, тогда как провинциальные восстания он объявляет неважными и не игравшими никакой роли. Между тем, как установил советский историк А. Г. Бокщанин в своей еще не опубликованной диссертации, именно провинциальное гражданское население побуждало солдат к восстанию. Высшие классы провинций Запада достаточно окрепли, чтобы предъявить свое право на участие в политической жизни империи. Несмотря на попытки найти социальную базу кризиса 68—69 гг., Манфре постоянно сбивается на противопоставление «сенат» — «армия», не выясняя социальной роли того и другого. Хотя идеализация Веспасиана у Манфре не так гипертрофирована, как у Омо, но и для него заслуги «восстановителя единства империи» заслоняют все остальное.

Несмотря на свои значительные недостатки, обе книги представляют известный интерес, поднимая вопрос о природе кризиса 68—69 гг. и о деятельности Веспасиана. Их ошибки, весьма характерные для буржуазной методологии, должны быть учтены историками-марксистами, которые пожелают осветить этот вопрос, мало разработанный еще в нашей литературе.

Е. М. Штаерман